



Экономике нужны надежные показатели

Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основание так думать.

Президент Франции Николя Саркози

То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты...

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц

Мы знаем по горькому опыту авиации, чем грозит воздушным судам отказ или неисправность приборов навигации. Но не менее серьезные и более масштабные последствия могут вызвать неверные экономические индикаторы, потому что ими руководствуются правительства, принимая ответственные решения. Ошибки в эко-

номической политике, проистекающие из неверных, а то и сознательно фальсифицированных статистических индикаторов, обходятся, как известно, особенно дорого. Более того, они дезориентируют население и подрывают доверие к власти. Расхождение статистических отчетов и победных рапортов с реальностью повседневной жизни становится

Богомолов Олег Тимофеевич — заведующий кафедрой мировой экономики Института новой экономики Государственного университета управления, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, профессор, академик РАН.

Автор выражает благодарность доктору экономических наук, профессору В.М. Симчере за помощь в подборе статистических данных и ценные советы.

источником социального напряжения.

Не случайно французский президент призвал двух лауреатов Нобелевской премии Джозефа Стиглица и Амартия Сена вместе с французскими статистиками разобраться в адекватности применяемых статистических индикаторов. И специалисты пришли к выводу, что многие показатели нельзя считать репрезентативными, и высказались за расширение и совершенствование набора индикаторов экономического развития. В первую очередь это относится к наиболее часто используемому в официальных заявлениях и СМИ показателю объема и динамики валового внутреннего продукта (ВВП). С помощью этого наиболее обобщающего индикатора принято судить как о спаде, так и о подъеме в экономическом развитии стран. Глобальный кризис и усилия по его преодолению придали достоверности статистического измерения экономических процессов особую актуальность.

Прежде всего важно учитывать особенности показателя ВВП. Он измеряет вновь созданную за год стоимость товаров и услуг плюс сумму приходящихся за год амортизационных начислений. Поэтому в нем не учтена стоимость так называемого промежуточного продукта, то есть того, что было произведено ранее и вошло в цену товаров и услуг, созданных в предыдущие годы.

Между тем многие понимают ВВП как денежную оценку всех товаров и услуг, произведенных в отчетный период. К примеру, строительство моста занимает несколько лет. Ежегодные затраты на его сооружение (труд, материалы, оплата транспортных и других услуг) отражаются в ВВП соответствующего года. Поэтому после открытия моста в ВВП войдет не вся его стоимость, а лишь соответствующая годовая часть. Если в магазинах продан хлеб из прошлогодней муки, то в ВВП от-

разятся только затраты по его выпечке, а не вся стоимость хлеба. Словом, данный показатель обладает некой условностью, являясь своего рода виртуальной величиной. Он не измеряет стоимостный объем всей произведенной в стране товарной продукции и услуг, а поэтому не всегда дает адекватное представление о состоянии экономики. Как и в барометре, стрелка порой показывает «ясно», а на дворе — дождь.

В качестве показателя масштабов и динамики экономического развития ВВП имеет существенные недостатки, о которых не следует забывать. Начнем с того, что в российском ВВП 60% занимают услуги, к которым относятся не только транспорт, связь, банковская деятельность, оптовая и розничная торговля, но и образование, наука, здравоохранение, весь государственный аппарат, вооруженные силы и кое-что другое. Не все услуги, учитываемые в ВВП, входят в понятие «реальный сектор экономики». Оно все чаще упоминается в экономической литературе, хотя еще нет согласованного определения его содержания и количественного измерения.

Главный смысл этого термина состоит в том, чтобы выделить производство вещественных благ и тех услуг, без которых страна и люди не могут обойтись и которые увеличивают реальное богатство страны, ее безопасность и благосостояние народа. Некоторые услуги, отражаемые в ВВП, связаны не с приращением, а скорее с вычетом из необходимых обществу материальных благ. Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары и услуги. То же можно сказать об искусственных посредниках между производителями и конечными покупателями продукции, вздувающими цены, а стало быть, и объемом ВВП. В него вносит вклад и миллионная армия частных охранников — продукт больного, криминализованного российского общества,

в котором правовая и правоохранительная системы не выполняют надлежащим образом свои функции, а общественная мораль находится в глубоком упадке. В этих условиях рост управленческой бюрократии и правоохранительных служб, тюрем и исправительных учреждений, учитываемый статистикой как приращение ВВП, будет с точки зрения реального сектора экономики растратой создаваемых им благ.

Спекулятивные операции на биржах и в банковском секторе также создают ВВП. Но население от этого не становится богаче, а экономика сильнее. Словом, между

Устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров.

ростом ВВП и такими показателями, как обновление основных фондов, увеличение занятости, рождаемость, смертность, здоровье населения, пенсионное обеспечение, повышение жизненного уровня основной массы населения, снижение инфляции, подъем культуры, науки, образования, сокращение преступности и коррупции, могут быть существенные расхождения. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления экономики. Если между динамикой и объемом ВВП и реального сектора экономики существуют расхождения, то возникает необходимость не ограничиваться в оценке итогов хозяйственной деятельности единственным показателем ВВП, а дополнять его другими важными индикаторами.

И в частности, должен быть разработан и введен надежный показатель состояния реального сектора экономики. Ясного понимания его необходимости, к сожа-

лению, еще нет. Видимо поэтому официальная статистика не исчисляет его объем и динамику. В этом отношении наука остается в долгу перед практикой, но и власти не торопятся поставить перед ней такую задачу. Официальные данные, особенно касающиеся инфляции, доходов населения, безработицы, масштабов бедности, утечки капиталов и умов, демографии, физического и психического здоровья населения, коррупции и преступности, во многих случаях оказываются ненадежными, неадекватными реальности и потому затрудняют принятие действенных решений по улучшению положения дел.

Ограниченная репрезентативность российского ВВП объясняется и другими его изъянами. Так, для определения темпов его роста за ряд лет сравнения должны производиться в неизменных ценах, то есть с поправкой на инфляционный рост цен. Официальной статистикой для этого используется дефлятор (поправка на рост текущих цен по сравнению с прошлогодними). Однако он неадекватно отражает повышение цен во всем народном хозяйстве. Так, в 2010 г. использовался дефлятор в 10,3%, тогда как цены производителей в промышленности выросли за год на 16,7%, в сельском хозяйстве — на 23,6%, в сфере услуг — на 33,1%. Без владения секретами магии такое сведение секторальных индексов к обобщающему дефлятору по всему народному хозяйству едва ли возможно. Но 2010 г. — не исключение, а привычная практика. В 2011 г. для предварительных официальных оценок динамики ВВП использовался дефлятор 15,4%. В 2011 г. российский ВВП достиг в текущих ценах 54,4 трлн руб. (в 2010 г. — 44,5 трлн руб.). Его фи-

зический объем по официальным данным, измеряемый в сопоставимых ценах, возрос на 4,3%. Но при использовании дефлятора в 15,4% (54,4 : 115,4) ВВП 2011 г. составляет 47,1 млрд руб., то есть годовой прирост ВВП в неизменных ценах составит 5,84% ($47,1 : 44,5 = 105,84$). Однако, по своей скромности, мы объявили прирост ВВП на 4,3%. Загвоздка в том, что такому приросту отвечает использование дефлятора не в 15,4%, а в 17,5%. Если принять во внимание повышение в 2011 г. цен производителей в промышленности на 15,4%, в сельском хозяйстве — на 26,5%, то и дефлятор в 17,5% представляет очевидную недооценку истинной величины общей инфляции. Возникает явная нестыковка и с показателем потребитель-

товаров и услуг и от того, какой удельный вес в этом наборе отдельных видов благ принимается за основу исчисления. Любой волюнтаризм и произвол в этом деле способен исказить величину дефлятора и потребительской инфляции в желаемую сторону. Заниженный дефлятор и индекс потребительских цен завышает темпы прироста ВВП.

В статистику ВВП приходится внести поправки, связанные также с тем, что не все виды деятельности, создающие реальные блага и, стало быть, увеличивающие ВВП, поддаются регистрации и учету. Ускользает от учета теневая экономика, достигающая в России, по разным оценкам, от 20 до 40% ВВП. Сюда входит и зарплата, выплачиваемая

добавленной стоимости (НДС), что искусственно увеличивает размер ВВП. НДС включается производителем в цену реализуемых товаров и услуг и декларируется наряду с зарплатой и прибылью как созданная добавленная стоимость. Но затем при сделке продажи товара или услуги вновь удерживается НДС с цены сделки, что рождает двойной учет этого налога в ВВП, завышая его на 2–3 процентных пункта. Правильно ли это? К завышению приводит и распространенная криминальная практика фиктивных экспортных сделок, по которым уплачивается НДС, а затем, несмотря на отсутствие фактической поставки, по требованию поставщика НДС ему возвращается. Не отличается достоверностью и учет амортизационных отчислений в составе ВВП. В интересах ускоренной самоокупаемости основных фондов они завышаются и в виде дополнительного налога перекладываются на плечи потребителей.

Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых.

ской инфляции: в 2010 г. — 8,8%, в 2011 г. — 6,1%. Рост оптовых цен на продукцию промышленности, сельского хозяйства, перевозки, аренду техники и помещений влечет за собой неминуемое удорожание товаров и услуг на потребительском рынке. Но отставание потребительской инфляции от общей в 2–3 раза не имеет рационального объяснения и может быть лишь результатом чистой магии. Видимо, имеет место сознательное занижение как общей, так и потребительской инфляции, а значит, и завышение темпов увеличения ВВП. В странах Запада такой разрыв обычно незначителен. Так, в 2011 г. в США дефлятор ВВП составлял 2,1%, а рост потребительских цен — 3,0%, то есть на 1/3 выше дефлятора. В развитых странах, за исключением США, ЕС, Японии, оба индикатора в 2011 г. совпадали — 3,5% [1].

Очевидно, что приводимые официальной российской статистикой аналогичные индексы исчисляются с большими погрешностями. Много зависит от набора

не по бухгалтерской ведомости, а в конвертах. По некоторым оценкам, доля «серой» зарплаты может достигать 40% всей оплаты труда. Трудно, а порой и просто невозможно оценить продукцию приусадебных и домашних хозяйств, дачных садов и огородов, частных, неорганизованных строителей, ремесленников, ремонтников, торговцев (в том числе челноков) и других работников разных профессий, имеющих дополнительный и даже основной заработок, который не регистрируется налоговыми и иными службами. Объем этой немалой добавленной стоимости официальная статистика приплюсовывает к ВВП в размере около 20%. Но это весьма произвольная оценка, не опирающаяся на серьезные научные разработки, социологические опросы и выборочные проверки. Не исключено, что доля теневого продукта, в том числе подпольного производства, занижена, а следовательно, занижена и величина ВВП.

Отдельную проблему представляет двойной счет налога на сумму

С другой стороны, немалая часть созданного ВВП утрачивается из-за значительных потерь произведенной продукции и услуг, обусловленных бесхозяйственностью, теми или иными бедствиями, контрабандным экспортом, вывозом капиталов, отсталой технологией и т.д. По расчетам доктора экономических наук В.М. Симчеры, объем народно-хозяйственных потерь в 2010 г. мог составлять около половины ВВП, или в пересчете по паритету покупательной способности около 1250 млрд долл. Это не столь уж спорная оценка, если учесть, что на создание 1000 долл. ВВП Россия затрачивает энергоресурсов в 8–10 раз больше, чем в передовых странах Запада. Подобная картина и с использованием металла, древесины и т.д. Легальный и нелегальный вывоз капиталов из России в 2011 г. составил не менее 80 млрд долл., а за 20 лет рыночного реформирования бегство капиталов из России, по разным оценкам, достигает 1–2 трлн долл. Удивительно, как страна выдержала такое кровопускание.

Но чтобы взять под государственный контроль и пресечь такого рода потери, необходимо начинать с налаживания продуманной системы статистики вывоза капиталов по всем возможным каналам, включающей экспертные оценки ускользающего от официального учета бегства капиталов. Только тогда страна будет в состоянии оценить реальный вычет из создаваемого ВВП.

Сегодня мы сталкиваемся с различающимися между собой (иногда в разы) оценками утечки капиталов и умов, отсутствием надежной статистики в данной области. Естественно, что российскую компрадорскую буржуазию, сомкнувшуюся с властью, это устраивает. Так легче уходить от налогов, сохранять и укрывать награбленное на счетах в зарубежных банках, вкладывая капиталы в футбольные клубы, яхты, дворцы, замки, виллы, отели и рестораны, городские дома и квартиры в Лондоне, Нью-Йорке и других привлекательных местах. Но России и ее населению, на которое ложатся тяготы кризиса и рыночных реформ, такая практика безразлична. Советский слоган «социализм — это учет» нами забыт, хотя в цивилизованном рыночном хозяйстве строгий бухгалтерский и статистический учет, а также независимый и добросовестный аудит остаются ключевыми требованиями и важнейшими основаниями функционирования экономики.

Особого разговора заслуживают показатели инфляции как на российском потребительском рынке, так и на рынке оптовой торговли и недвижимости, а также ценных бумаг, кредитных и других заимствований. Естественно, что точность этих индикаторов отражается и на репрезентативности ВВП. Потребительская инфляция — это крайне чувствительный для населения процесс. Публикуемые показатели роста потребительских цен сильно расходятся с реальностью, что воспринимается населением как сознатель-



ное искажение истинного социально-экономического положения в стране.

Заинтересованность правительства в более благоприятных итогах можно понять, как и желание иметь «управляемую» статистическую службу. Ради этого ее подчинили Минэкономразвития. Но для успешной управленческой деятельности на всех уровнях нужна объективная статистика, независимая от указаний сверху. Она не менее необходима населению, которое хочет знать правду, чтобы доверять своим руководителям. Пока такая независимость в российских условиях трудно достижима. Об этом свидетельствует опыт работы формально независимой Счетной палаты, доклад которой по итогам приватизации так и не был обсужден на заседании Государственной думы ввиду его остроты. Вскрытые грубые нарушения оставлены без последствий.

Потери населения от инфляции, которая представляет собой скрытый налог на потребление,

если и компенсируются государством, то частично. К тому же независимые научные исследования, исходящие из удорожания корзины товаров и услуг, потребляемых в среднем бедными слоями населения и людьми с низкими доходами, свидетельствуют о ежегодной инфляции в 20–25% за последние 5–7 лет. В то же время официальный индекс потребительской инфляции, исчисляемый для бедных и богатых вместе взятых по принципу средней температуры в больнице, составил в 2011 г. 6,9%. Словом, расчет показателей потребительской инфляции, как и дефлятора ВВП, требует научной методологии и участия независимых высококвалифицированных экспертов.

Нет нужды доказывать социальную значимость таких индикаторов, как прожиточный минимум, средний доход и средняя заработная плата, минимальная часовая зарплата, порог бедности, децильные коэффициенты имущественного расслоения, оценок знаний, способностей, квалификации,

опыта, наконец, производительности, размеров вознаграждения и качества продукции как главных характеристик и движущих сил современного прогресса. Но именно в этой области наблюдается самое значительное отставание государственной статистики и статистической науки.

Согласно экономической теории, зарплата и социальные трансферты из государственных бюджетов должны обеспечивать нормальное воспроизводство «рабочей силы» людей трудоспособного возраста. Разумеется, с учетом квалификации, сложности, интенсивности труда, влияния его на здоровье. Это предполагает не только удовлетворение самых насущных потребностей в питании, одежде, жилье, но и возможность пользоваться благами культуры, иметь необходимое медицинское обслуживание и нормальный отдых.

Кроме того, воспроизводство рабочей силы, а тем более ее совершенствование требуют покрытия затрат на получение информации и новых знаний, социальную интеграцию, содержание семьи, обучение и воспитание детей. Разумеется, воспроизводственные издержки рабочей силы будут различаться в отдельных странах с учетом уровня их экономиче-

ского развития, вековых традиций и обычаев, климатических условий и т.д. Но в любом случае, если расходы, связанные с воспроизводством рабочей силы занытых в народном хозяйстве, не покрываются (хотя бы на минимально допустимом уровне) заработной платой и доходами, трудовому и интеллектуальному потенциалу страны грозит деградация. Можно было заставлять работать до полного изнеможения завозимых в Америку рабов, но не нынешние ее трудовые ресурсы.

К сожалению, устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров. Такой важный критерий, как минимальная часовая заработная плата, вообще не применяется. ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», рассчитывающий восстановительный минимальный потребительский бюджет, считает, что в третьем квартале 2011 г. он был в 2,6 раза выше прожиточного минимума и составлял 16,5 тыс. руб. [2], а потребительский бюджет среднего достатка — в 6,7 раза выше. Думается, что эти цифры в результате более обстоятельных статистических исследований могут быть серьезно скорректированы.

У нас имеет место огромная недооценка труда основной массы труженников, не говоря уже о порой совершенно искаженных соотношениях в оплате сложного, квалифицированного труда и труда невысокой сложности и квалификации. К примеру, производительность труда, измеряемая величиной ВВП на один отработанный час, в России ниже аналогичного итальянского показателя примерно в 4 раза, а часовая зарплата — почти в 10 раз. Показательно, что в структуре российского ВВП на зарплату приходится около 33%, на прибыль и доходы на капитал — 31%, а на налоги — 36%, тогда как в развитых странах Запада доля зарплаты в ВВП достигает 60%. Из-за отсутствия надежной методологии статистических сравнений приведенные цифры могут оказаться еще менее благоприятными для оценки того, как оплачивается труд в России.

Если средняя величина заработной платы в разных рыночных системах различается в зависимости от уровня их развития, то пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника, офицера или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходиться с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда. Кроме того, это затрагивает присущее людям чувство социальной справедливости.

Между тем Всемирный банк в своем докладе «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономи-



ческие институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям. Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным, и упускаются возможности для инноваций и инвестиций» [3]. Это подтверждает российская действительность. В результате кризиса производство и потребление

Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и непринятие необходимых мер по его снижению имеют негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ, проведенный специалистами, показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 гг. могли бы возрасти на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов основной массы населения (подчеркиваем: не всего, а именно основной его массы) на 10% удалось бы преодолеть процесс депопуляции.

Очевидная истина заключается в том, что у нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества. Это следует сказать и об экономической статистике в целом. Государственный корабль, находящийся в бурных водах внутреннего и глобального кризисов, лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс. Их срочно нужно приводить в порядок.

У нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества.

в России сократилось значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, но зато число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Форбс», выросло на 70%. По их числу мы уступаем только США и Китаю.

Особенно тревожным по своим социально-политическим и экономическим последствиям для российского общества является увеличивающийся разрыв в доходах между бедными и богатыми. И опять-таки официальная статистика пытается скрасить реальное положение дел, приводя явно заниженные показатели социального расслоения населения и масштабы бедности. Согласно ее данным, средний доход бедной 10-процентной части населения в 15 раз меньше среднего дохода 10% богатых. Но исследования, проведенные в рамках Российской академии наук, показывают, что этот разрыв составляет не менее 30 раз, а в Москве даже 50 раз, тогда как в ЕС — 7–10 раз, в США — около 15 раз.

Заниженные пенсионные выплаты и социальные пособия, которые едва покрывают коммунальные платежи и расходы на лекарства бедного населения, воспринимаются им как проявление вызывающей социальной несправедливости, как неза заслуженная недооценка их вклада за прожитую жизнь в приращение национального богатства. Такая перспектива едва ли способна вдохновлять нынешнее активное население России на добросовестный, инициативный и напряженный труд.

Для исправления положения нужен отказ от плоской и переход к прогрессивной шкале налогообложения, а также разные другие меры поддержки малоимущих. В США они позволяют снизить неравенство между крайними 10-процентными группами населения до 15 раз, а без них это неравенство составляло бы 68 раз. Отмени американское государство, как сделали мы, прогрессивное налогообложение доходов граждан, и страну постигнут опасные потрясения.

В дореволюционном прошлом, да и в советский период экономическая статистика имела хорошую репутацию и была представлена крупнейшими учеными. Среди них можно назвать академиков С.Г. Струмилина (1877–1974), В.С. Немчинова (1894–1964), члена-корреспондента В.Н. Старовского. Славные традиции общегосударственной и местной российской статистики необходимо возродить. Преобразовать и модернизировать Россию в условиях отсутствия достоверных статистических показателей или их искажения и подтасовывания не удастся. Ее обновление требует честной реалистичной оценки ситуации, правдивой и доступной народу информации о положении дел в экономике и социальной сфере. А это влечет за собой необходимость государственной поддержки развития статистической науки и тесную связь реформируемой статистической службы с наукой. ■

ПЭС 12006/02.02.2012

Литература

1. World Economic Outlook. Sep. 11. P. 186.
2. Уровень жизни населения регионов России // Журнал Всероссийского центра уровня жизни. 2011 (октябрь). С. 51.
3. Справедливость и развитие: Доклад Всемирного банка о мировом развитии – 2006. С. 2.